

Coda pour les morts ou les vivants

MK
5 XII-06

© ЗАО "РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ "МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 2006

ГЛАВНАЯ ОСТАВИТЬ ОТЗЫВ ОБСУДИТЬ В ЧАТЕ

СЕГО ДНЯ

Кода для мертвых и живых

05 DEC. 2006

Играем со смертью в прятки

Автор фото: Михаила ГУТЕРМАНА.

Закругляясь, театральный фестиваль NET выдал два шокирующих спектакля. Французский вызвал шок эстетический, английский — физический. Оба проекта играли в нетрадиционных местах — на винзаводе и бумажной фабрике.

“Не оглядывайся!” — так называется перформанс, который идет на фабрике технических бумаг на Бауманской.

Не будите мертвых

Каждые пять минут в темноту путаных фабричных коридоров зрителей уводят тройками, как на расстрел. Потом по лестницам — вверх, вниз, пока тройка не окажется в черной комнате. Когда привыкнут глаза к темноте, можно рассмотреть заспанного мужчину, недовольно оторвавшего голову от письменного стола. Мужчина в нарукавниках, похожий на счетовода (стол завален книгами), осматривает нас и с многозначительными паузами произносит:

— Здесь слишком много спящих. Говорите тихо. Возьмите билеты, — и протягивает мне бумажный клочок с номером 424.

Так меня посчитали и запустили в следующую комнату. А там — белый стол под белой скатертью и мертвой невестой на нем. Покойница оформлена прекрасно: вся в белом в фате под прозрачной вуалью, в ногах у нее — хрустальная люстра. Но мы быстро мимо, по лестнице — вниз, потом — на лифте вверх. Навстречу — люди в черном с коробками в руках. Только жестами указывают — дальше, дальше... Покойницкая? Морг? Нет, все значительно поэтичнее: англичане на московской фабрике проложили путь Орфея, спустившегося в Ад за Эвридикой. Путь этот оказался темен, мрачен и вонял формалином. А вот и могилка, куда нашу тройку замуровали. Смутные предчувствия стеснили душу, а тут еще сверху, где единственное окошко, какой-то дядька в черном цветочки положил.

— Вот так, наверное, в могиле бывает, — говорит мой спутник, до этого хихикавший.

— А если у меня клаустрофобия? — говорю я и на полном серьезе думаю колошматить в дверь и кричать: “Выпустите меня отсюда!” Держусь из последних сил. Наконец выпустили, и мы пошли по коридорам, где на стенах — экраны, а на них — то гроб несут, то на скрипке грустное пиликают, то лодка по воде плывет. А то за стеклом мертвая невеста возникнет и ручкой так знак подает — мол, идите ко мне, идите...

— Не ходи, — шепчет кто-то сзади. Опять тошнотворный запах формалина. Игра в прятки со смертью продолжается. Паника в душе нарастает. И не только у меня: в темных коридорах блуждают беспольные и беззащитные тени, которые не знают куда приткнуться. Приткнулись в лифт, где смурная парочка в черном спустила нас в узкий коридор, а суровый господин строго, указав на стулья, сказал: “Ожидайте”. Пока ждали, плакала скрипочка в руках музыканта. Наконец выкликнули мой номерок и повели. И вдруг открылось: огромная комната с десятью колоннами по центру и горящими свечами числом не меньше 500. Вот оно, царство Аида!

Когда наконец открыли дверь, жизненный двор с мусором и сыростью оказался не меньшим шоком, чем умело выстроенная театральная преисподняя. В финале любезно попросили оставить свою запись. Оставляю: чуть не померла от страха и восторга. После такого приключения чертовски хочется жить.

Соло для манекена

То, что показали французы, весьма эфемерно и может сказать не больше, чем человек, ухаживающий за цветком или мурлыкающий песенку, убаюкивая младенца. В низком месте — на действующем винзаводе в районе Курского вокзала — сыграли нечто высокое и одухотворенное. На